

Keywords: *anthropology, Buddhist theories and practices, Mongolian people, Buryats, ethnic Buryatia, modernization, transformation*

УДК 94(47):24-523

НОМОГОВА *Виктория Владимировна* – доктор исторических наук, доцент исторического факультета Бурятского государственного университета (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; nomogova67@mail.ru)

ДАМБАЕВА *Валентина Баировна* – аспирант исторического факультета Бурятского государственного университета (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; valdamb07@ya.ru)

БУДДИЙСКОЕ КУЛЬТОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОПИСАНИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX в.)

Аннотация. *Статья посвящена истории строительства первых буддийских монастырей – дацанов на территории Забайкалья. Рассматриваются материалы личных наблюдений исследователей Сибири XVIII – начала XIX в. по вопросам развития буддизма в регионе. Анализ этих материалов демонстрирует, что буддийское культовое строительство в трудах ученых отражало этнокультурное разнообразие региона и становилось объектом взаимодействия между формирующейся буддийской общиной и центральной властью Российской империи.*

Ключевые слова: *буддийский монастырь, дацан, путешественники, Забайкалье, Сибирь, буддизм*

Неизведанный Сибирский край всегда интересовал исследователей и путешественников. В разные годы в XVIII – начале XIX в. Забайкалье посещали П.С. Паллас, Э. Лаксман, И.Г. Георги, И.Г. Гмелин, И.Г. Миллер, И. Сиверс и др. Во многом их описания носят субъективный характер, однако для исследований историко-культурного наследия народов, населявших Сибирь, являются почти единственными письменными источниками. Первые материалы, собранные учеными, относятся к природно-географическим особенностям региона. В них даются подробные описания флоры и фауны, горных массивов и водоемов, которые постепенно переходят в информацию о коренных народах Сибири, включая их религиозные верования. Большинство исследователей – немецкие ученые, которых направляла Российская академия наук для сбора сведений о Сибирском регионе и народах, проживающих на этой территории. Информация о Сибири была довольно скудной. Полученные сведения об открытиях в ходе научных экспедиций царское правительство считало секретными. Путешественники подписывали специальные обязательства об их неразглашении. Их записки сдавались и хранились в петербургских архивах. А. Гумбольдт, вернувшись из экспедиции, попросил в награду за свой колоссальный труд возможность ознакомиться с исследованиями П.С. Палласа и опубликовать их, но получил лишь малую часть того, что сохранилось или было найдено в архивах, – преимущественно то, что было до этого не востребовавшимся [Эйхельберг 1999: 61].

В статье основное внимание уделено тем ученым, которые в своих трудах

более подробно упоминали о буддизме, монастырях или встречах с буддийским духовенством. Эти сведения раскрывают особенности развития буддизма в регионе на начальном этапе распространения. Изучение этих процессов остается актуальным и в наши дни. С 90-х гг. XX в. наблюдается период возрождения буддизма. После практически тотального уничтожения буддийской культуры в 1930-х гг. сейчас в Бурятии продолжают восстанавливать буддийские монастыри и открывать новые. В этом свете важно изучать раннюю историю буддийских монастырей, их строительство и внешний облик, что отражает начальный период формирования буддийской общины и раскрывает некоторые особенности взаимодействия с властью.

Описания русских и иностранных путешественников, прибывающих в Сибирь для сбора материалов, в разном ключе рассматриваются в большинстве работ по буддизму. Монография В. Гирченко, вышедшая в 1939 г., до сих пор остается ценным обобщающим изданием по этой проблеме. Отдельного внимания в ней заслуживают сведения о буддийских монастырях.

Буддизм начал проникать в Забайкалье в начале XVII в., а первые буддийские стационарные монастыри появились у бурят в середине XVIII в. Буддийскую цивилизацию в целом можно представить в виде раскинутой во времени и пространстве сети монастырей и храмов [Лепехов 2002: 3]. Стоит отметить, что буддийские монастыри – дацаны в своей внешней и внутренней форме до сих пор продолжают трансформироваться, однако их сакральная составляющая остается постоянной. В качестве первых буддийских храмов буряты символично использовали свое традиционное жилище – юрту, которая и стала прототипом будущего буддийского храма [Дамбаева 2017: 135]. Монастыри в том виде, в каком они существовали в XVIII в., не дошли до наших дней. Схемы, планы или фасады начальных буддийских монастырей также не сохранились. Первые официально зафиксированные схемы и планы 34 дацанов Забайкалья датированы 1854 г., их появление было обусловлено выходом Положения о ламайском духовенстве Восточной Сибири. Все вопросы, связанные со строительством и ремонтом буддийских монастырей, по Положению, с этого момента регулировались центральным государственным аппаратом власти. Если внешний облик буддийских монастырей второй половины XIX в. нам известен по сохранившимся схемам архивных и музейных коллекций, то первоначальный облик дацанов остается малоизученным, в большей степени ввиду скудности архивных источников. Восполняют данный пробел описания путешественников и исследователей Сибири того времени. В данном вопросе большая заслуга принадлежит видному ученому, академику, натуралисту немецкого происхождения Петру Симону Палласу. Его многотомные труды долгое время были недоступны для российского читателя, и только позже некоторые издания были переведены на русский язык.

В 1772 г. П.С. Паллас посетил буддийских монастырь у Гусиного озера, который на тот момент состоял из главного двухэтажного храма и четырех малых сумэ. Дацан был построен на пожертвования «монгольских родов, называемых Хачаган и Подгородной». Академик отмечал схожесть в архитектуре Гусиноозерского и Цонгольского дацанов. Гусиноозерский дацан построен «во вкусе большого храма на Чикое [Цонгольского], но по величине он приблизительно равен лишь находящимся там малым храмам, имея приблизительно размеры квадрата со сторонами в пять сажений». П.С. Паллас описывал внутренний интерьер храма, где стены были украшены изображениями наиболее почитаемых божеств. Внутреннее убранство храма, по сведениям ученого, было весьма скромным, состояло из рисованных на материи икон, которые развешивались на стенах между колоннами. Говоря о буддийском духовенстве, он

упоминает цифру свыше 80 лам, которые проживали в юртах и домах рядом с дацаном. Посетивший в 1790 г. этот дацан другой немецкий ученый Иоган Сиверс отмечал уже 9 малых храмов при дацане [Минерт 1983: 96]. В последующие годы число сумэ при Гусиноозерском дацане росло, а к 1830-м гг. их насчитывалось 17. Такой рост числа буддийских построек при дацанах характерен только в начальный период развития буддизма — в период, когда центральная власть действовала осторожно на трансграничной территории. В дальнейшем, всю первую половину XIX в., центральная администрация искала возможности регулирования и ограничения строительства буддийских монастырей.

Интересны замечания П.С. Палласа по поводу строительства Цонгольского дацана. По мнению ученого, развитие ремесла у бурят в XVIII в. находилось в зародыше, потому Цонгольский дацан был построен русскими плотниками по планам хамбо-ламы, который в молодости жил и учился в Тибете, потому стремился придать украшению дацана стиль тибетских храмов [Pallas 1801: 108]. Данное замечание П.С. Палласа подтверждает предположения известного архитектора Л.К. Минерта по вопросам влияния русского зодчества на первую буддийскую архитектуру. Русское церковное зодчество являлось примером, которое доказывало обоснованность устремленных вверх сакральных сооружений. Эта техника имела важное эстетическое и психологическое воздействие [Минерт 1983: 156]. Потому начальный этап строительства деревянных монастырей потребовал помощи русских плотников, которые в это время уже имели опыт строительства деревянных православных церквей.

Иоган Готлиб Георги, являвшийся академиком Российской академии наук, участвовал в экспедиции, возглавляемой П.С. Палласом. В своей работе он уделяет внимание распространению буддизма в Хоринских степях: «Ламайское учение начало по-немногу вкрадываться между хоринцев. Знатные из них вызывают, для праздников, монгольских лам и имеют у себя идолослужebные юрты, изобильно снабденные всякими книгами, идолами, музыкальными орудиями и пр.» [Георги 1779: 106-108]. Очевидно, во время его путешествия некоторые зажиточные хоринские главы родов еще имели молельные юрты и держали при себе лам. Скорее всего, посетить стационарный храм хоринских бурят ему не удалось — по крайней мере, таких описаний в его изданных книгах мы не нашли.

В начале XIX в. научный интерес к Забайкалью продолжается. Проезжавший в августе 1811 г. через Хоринскую степь и Нерчинск директор иркутской гимназии И.Г. Миллер посещает дацан, выполненный из камня [Минерт 1983: 96]. Строили его буряты, которые за достаточно короткий срок овладели техникой строительства.

Среди ученых, побывавших в дацанах, особое место занимает Адольф Эрман. Так, Карл Риттер справедливо отмечает: «Почти ни один из путешественников в Даурию не преминул посетить местопребывание ламайских первосвященников и их храмы в окрестностях Селенгинска; но ни один не описал их так наглядно и умно, как последний из них [А. Эрман]» [Риттер 1879: 185]. Помимо описаний внешнего вида монастырей, интересны заметки о его встрече с ламским духовенством: «Богатое разнообразие цветов на грунте снеговых гор (в феврале), окружающих степь под лазуревым небом ясной Даурии! Прибавьте к этому шумную музыку, большие бубны, помещенные на тележках, медные рога — каждый поддерживаемый двумя жрецами, там-тамы различных родов, множество тарелок, китайских деревянных барабанов и кастаньет. За всяким адажио, выводимым одними рогами и таврами, следовало быстрое аллегро всех инструментов вместе, за тем — почти с вакханическим неистовством ударяли в звучные тарелки, в гремящие барабаны и кастаньеты. Такую церемонию видел Эрман в

доме дородного Хамбо-ламы, одного из толстейших людей в целой Сибири» [Риттер 1879: 187]. Ко времени посещения Забайкалья Эрманом в дацанах уже побывали ученые-путешественники. Возможно, посещение Эрмана не явилось для буддийского духовенства большой неожиданностью. Бурятские ламы, привыкшие к посещению иностранцев-иноверцев, теперь пытались впечатлить их пышностью обрядов и убранством храмов и в своих беседах с учеными нередко выказывали свои верноподданнические чувства царю. Они дальновидно полагали, что большинство ученых, посетивших буддийские монастыри, в той или иной степени имеют связи с центральной администрацией и их научные записки и отчеты могут повлиять на благосклонность императорской власти.

Стоит отметить, что некоторые труды исследователей до сих пор остаются не переведенными на русский язык. Многие материалы хранятся в архивах и представляют необработанные тексты полевых наблюдений. Из 34 дацанов, основанных к 1832 г., путешественники, как правило, посещали наиболее крупные, прежде всего Гусиноозерский и Цонгольский. Вне поля зрения оставались маленькие дацаны, находившиеся в разных частях Забайкалья.

Со времен Саввы Рагузинского (1727 г.) буддизм в Забайкалье развивался практически беспрепятственно. За исключением назначения на должности главного ламы и его помощника, местная администрация почти не вмешивалась во внутренние дела дацанов. Но быстрое увеличение численности буддийского духовенства и дацанов начинало беспокоить власть. Особенный рост произошел практически за десятилетие, с 1822 по 1831 г. За этот период были основаны еще 15 новых дацанов, старые войлочные дацаны к этому времени заменяются на деревянные [Герасимова 1957: 25–26].

С целью учета и контроля буддийского духовенства организуются различные экспедиции в Восточную Сибирь. В 1831 г. Министерство иностранных дел командировало туда Шиллинга фон Канштада. В 30-е гг. XIX в. он составляет проект устава монголо-бурятского духовенства. Помимо описания мер по регулированию буддийского духовенства со стороны государственных структур, в нем кратко описываются дацаны Забайкалья. Глава вторая Устава определила штат дацанов: «полагается 34 дацана и 136 малых храмов». Там же была определена терминология, применяемая к буддийским монастырям. «У монголо-бурят дацаном называется и монастырь, и Главный храм. В монастыре малые храмы, отдельно стоящие по сторонам главного, называются Сумэ, часть или квартал в дацане именуется – Аймаком». Все дацаны были распределены на три духовных округа: Селенгинский, Чикойский и Ходунский¹. С августа 1830 г. по март 1831 г. Шиллинг посещает большинство дацанов. Его познания в буддийской литературе, тибетском языке и общая эрудиция произвели огромное впечатление на лам, прежде не встречавшихся с таким типом русских администраторов [Цыремпилов 2013: 105].

Буддийская архитектура монастырей всецело отражает этнокультурное влияние и в то же время самобытность мастеровых-умельцев. Эти изменения можно проследить в трудах зарубежных ученых, которые в XVIII – начале XIX в. посещали Забайкальский регион. Анализ первых описаний буддийской общины и монастырей важен с точки зрения реконструкции их первоначального вида. Монастыри олицетворяли не только религиозную, но и культурную жизнь бурятского народа, их облик отражал социально-экономическое состояние ламства и бурятского населения в имперский период. Дацаны становились центрами общественно-культурной жизни и одновременно – объектами государственного регулирования.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 133. Д. 422. Л. 31(об).

Список литературы

Георги И.Г. 1779. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов из житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: о народах самоедских, манчжурских и восточно-сибирских как и о шаманском законе*. СПб: [б.и.]. 116 с.

Герасимова К.М. 1957. *Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX вв.* Улан-Удэ: [б.и.]. 160 с.

Дамбаева В.Б. 2017. Первые буддийские храмы Забайкалья: особенности строительства и ремонта в XIX в. – *Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию российской революции 1917 года и 95-летию профессора, исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е.Е. Тармаханова*. Вып. 1. № 1. С. 134-140.

Лепехов С.Ю. 2002. Монастыри и философские школы как основные структурообразующие элементы буддийской цивилизации. – *Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 3-39.

Минерт Л.К. 1983. *Памятники архитектуры Бурятии*. Новосибирск: СО Изд-ва «Наука». 189 с.

Риттер К. 1879. *Землеведение Азии*. СПб: Тип. В. Безобразова и Комп. 477 с.

Цыремпилов Н.В. 2013. *Буддизм и Империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.)*. Улан-Удэ: Бурят-монгол Ном. 335 с.

Эйхельберг Э.А. 1999. Немецкие ученые в истории Тюменского края. – *Немцы и Сибирь: история. Современность: материалы международной научной конференции*. 18–22 сентября. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. С. 60-63.

Pallas P.S. 1801. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*. Т. 2. St. Petersburg. 438 s.

NOMOGOEVA Viktoria Vladimirovna, Dr.Sci. (Hist.) Associate Professor of the Historical Faculty, Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; nomogoeva67@mail.ru)

DAMBAEVA Valentina Bairovna, postgraduate student at the Historical Faculty, Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000sia; valdamb07@ya.ru)

THE CONSTRUCTION OF BUDDHIST TEMPLES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE DESCRIPTIONS OF EUROPEAN RESEARCHERS AT THE END OF THE 18TH – THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The article is devoted to the history of the construction of the first Buddhist monasteries – datsans – in the territory of Transbaikalia. The authors consider materials of personal observations of researchers in Siberia of the 18th – the beginning of the 19th centuries, concerning the development of Buddhism in the region. The first Buddhist temples in Transbaikalia region transformed from mobile felt yurts to wooden stationary monasteries. An analysis of these materials demonstrates that Buddhist religious construction in the writings of scientists reflected the region's ethno-cultural diversity and became the object of interaction between the emerging Buddhist community and the central government of the Russian Empire.

Keywords: Buddhist monastery, datsan, Transbaikalia, Siberia, Buddhism, Buryatia